

АРТЕФАКТ

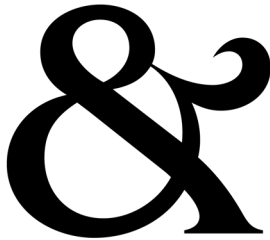

ДЕТЕКТИВ

Читайте романы Ольги Тарасевич в серии «Артефакт&Детектив»:

Ожерелье Атона
Смертельный аромат №5
Проклятие Эдварда Мунка
Плачущий ангел Шагала
Крест Евфросинии Полоцкой
Роковой роман Достоевского
Копия любви Фаберже
Древнее Копье Судьбы
Последняя тайна Лермонтова
Тайна перстня Венеры
Кольцо леди Дианы
Сокровище князей Радзивиллов
Подарок Мэрилин Монро
Альбом страсти Пикассо
Золотой венец Трои
Оберег Святого Лазаря
Талисман Михаила Булгакова
Карты великого мага
Магическое кольцо Каина
Тайна «Красной Москвы»

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Ольга ТАРАСЕВИЧ

Древнее
Копье Судьбы

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т19

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Ранее роман издавался
под названием «Копье Судьбы»

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Тарасевич, Ольга Ивановна.

Т19 Древнее Копье Судьбы : [роман] / Ольга Тарасевич. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-168346-7

Этим копьём пронзили Иисуса Христа. Наполеон и Адольф Гитлер достигли вершин невиданной власти, обладая им. Но за все приходится платить. И вот — роковое стечение обстоятельств, через много лет после окончания Великой Отечественной войны артефакт оказывается в Москве... Следователь Владимир Седов не сомневается — смерть бывшего преподавателя истории Юрия Костенко не связана с криминалом. Однако журналистка Лика Вронская выясняет, что Костенко интересовался тем самым копьём. Слишком много людей знали об этом: лидер неонацистской группировки, председатель политической партии, сын покойного, нуждающийся в деньгах. И еще в круг подозреваемых можно включить темные силы. В Москве начинает твориться нечто невообразимое: жестокие убийства и пожары...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тарасевич О.И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168346-7

Все события вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

ГЛАВА 1

Мюнхен, 1929 год, Ева Браун

У владельца фотоателье Генриха Гофмана, по наблюдениям Евы, было два основных занятия. Обслуживать клиентов и ворчать. Оба этих дела доставляли ему огромное удовольствие.

— Сейчас вылетит птичка! — приветливо улыбался он уставившейся в объектив семейной паре. И тут же оборачивался к своей помощнице: — Фрейлейн Браун, напечатайте счета! Почему не готовы? Не просил? Ну и что! Вы должны угадывать, понимать без слов!

А через полчаса старательно поправлял бант норковившей разрыдаться белокурой девочке и снова бурчал:

— Почему не рассортированы фотографии?! А папки! Я же просил вас подготовить папки с документами! Я хочу, чтобы к моему возвращению они лежали на столе!

И так — с утра до ночи: то одна просьба, то другая, причем часто второе поручение полностью противоречило первому!

А еще он пытался казаться грозным. Сурово сдвигал широкие темные брови, приглаживал напомаженные черные волосы. Однажды даже ударил кулаком по столу, задев снимки. Фотографии взметнулись, как стая испуганных птиц. А Ева закусила губу, чтобы не расхохо-

таться. При всем своем воинственном облике начальник обладал тонким писклявым голосом. От возмущения у шефа смешно опускались уголки губ — точь-в-точь как у клоунов на ярмарке. Возможно, поэтому распоряжения герра Гофмана не очень-то хотелось выполнять — зато они веселили, внося разнообразие в довольно скучную работу.

— Папки! Фрейлейн Браун! Я рассчитываю их просмотреть сегодня! О чем вы только думаете?! — пропищал начальник и, набросив пальто, выскочил из ателье под мелодичный звон колокольчика над дверью.

Ева машинально проводила глазами массивную фигуру, удалявшуюся в сторону ближайшей пивной, и фыркнула. Герр Гофман мог бы быть и подобнее к новой помощнице! Ведь еще и двух недель не прошло, как он взял ее сюда, на Шеллингштрассе, 50. Конечно, работать здесь не так уж и весело. А все потому, что пока хозяин не подпускает к святая святых — съемке, проявке пленок, печатанию фотографий. Подай, принеси, подготовь — не очень-то разнообразные и интересные обязанности. Но после школы при монастыре, с ее выстывшими классами и вечной зубрежкой, в фотоателье в принципе неплохо. В любом случае эта работа будет получше, чем у старшей сестры. Ильзе работает в приемной доктора, а там и кровь, и раны, и плач, бр-р-р!

Звякнувший колокольчик отвлек Еву от мрачных мыслей.

— Здравствуйте! — Молодой человек в национальном баварском костюме залился краской. — Я хотел бы сделать свой портрет.

Смотреть на таких людей — одно удовольствие. Очень красивый мужчина! И стройный, как тростинка! Тонкая полотняная рубашка, шорты и гольфы ему так идут!

Втянув живот (ох уж эти монашки с их требованиями съедать все, до последней крошки, ох уж эти ярмарки, где продаются вкуснейшие яблоки в шоколадной и леденцовой глазури), Ева пробормотала:

— Господина Гофмана пока нет, но он скоро придет, вы можете его подождать.

Молодой человек покраснел еще сильнее.

— Видите ли, я не хотел фотографироваться прямо сейчас. Я думал просто узнать, сколько это стоит, посмотреть образцы. Расскажите мне. Если вас не затруднит, и если я не помешал, и если...

Вконец смутившись, посетитель замолчал. Ева открыла альбом с образцами, улыбнувшись, взглянула на пылающие рубиновые уши клиента. И вдруг поняла, что мужчина специально караулил, пока хозяин отправится выпить свою обычную обеденную кружку пива. Никакой он не клиент. Хочет поболтать, познакомиться, а потом...

Он очень милый. И кажется, добрый. Значит, будут студенческие кофейни, их много в этом районе, — дымные, шумные. Будет пронзительное страстное танго. Ночной прохладный Мюнхен покажется новым, необычным, созданным только для их неспешных шагов. Поцелуй? Наверное, можно позволить, только не сразу.

«Фритц, наша девочка совсем взрослая, — всплеснет руками мама, когда узнает, что за дочерью ухаживает мужчина. — И когда она только успела вырасти!»

«Фанни, не говори ерунды, ей еще только семнадцать! — возмутится отец, нервно приглаживая светлые, торчащие вокруг проплешины волосы. — До совершеннолетия целых четыре года, у нее еще ветер в голове!»

Потом строгий папа станет еще внимательнее следить, чтобы после работы Ева возвращалась домой, никаких свиданий. Затем хитрая лукавая мама уговорит пригласить кавалера на ужин.

Помолвка, свадьба, заботиться о муже, рожать и растить детей.

Все так предсказуемо. Как у всех. Неужели это и есть счастье? Всего семнадцать — а ведь уже вся будущая жизнь предстает перед глазами пугающе четко. И все же сердце замирает, предвкушая что-то необыкновенное, захватывающее, волнующее...

Странно? Страшно? Да!

Но лучше страшно, чем скучно. Лучше жизнь, как в романе Карла Мая¹, чтобы не было ничего общего с занудными житиями святых, которые в монастыре заставляли учить наизусть.

«Ой, прости, господи, — испугалась Ева, переворачивая страницу альбома. — Конечно же, жития святых не занудные, просто... просто так подумалось».

— Меня зовут Отто. Я давно вас заметил. Хотя в этом нет ничего удивительного. Как можно не заметить прекрасное солнце! — Мужчина мельком посмотрел в окно и разочаровано вздохнул: — Герр Гофман возвращается. Я зайду завтра. Не возражаете?

— Нет, — выпалила Ева и послала молодому человеку воздушный поцелуй. — Заходите!

«Быстрее уходи, быстрее, — мысленно внушала она румяному симпатичному лицу и алым ушам. — Начальник возвращается, мне надо срочно достать со шкафа проклятые папки. А юбка короткая, я ее вчера вечером

¹ Популярный в те годы писатель, автор книг о приключениях ковбоев. Адольф Гитлер тоже зачитывался этими романами.

специально укоротила. Не уверена, что шов ровный. К тому же это вообще не дело — при молодом человеке на стремянку взбираться!»

Она успела стащить с высокого шкафа лишь одну дурацкую пыльную папку. Вскарabкалась на лестницу, взяла вторую — и колокольчик над дверью зазвенел. В ателье вошел Генрих в сопровождении какого-то господина в светлом английском пальто и широкополой шляпе.

Ева украдкой взглянула на посетителя. Старый, ну то есть немолодой, почти как папа, ему около сорока. Ровный шов на юбке или косой — гостю без разницы, не на одежду смотрит, так и пялится на ноги. А ноги, к сожалению, полноваты. Худеть надо, чтобы стать похожей на красивых девушек в журналах мод. У них вот ножки — загляденье, тоненькие, стройные. И щек толстых тоже нет. С этими щеками просто беда! Делают симпатичное личико похожим на мордочку мыши, вдоволь запасшейся зерном...

Стараясь не оступиться, Ева осторожно спустилась с лестницы, положила папку на стол и стала раскладывать карточки по конвертам. Решила, что больше на стремянку не полезет. Гофман с гостем удалились в кабинет, но мало ли что, а вдруг они вернуться? Хватит с мужчин и одного сеанса созерцания голых коленок!

Работа увлекала. Ева обнаружила снимки недавно посещавшей ателье семейной пары и молодой девушки, а еще девчушки с огромным белым бантом.

— Генрих — хороший фотограф, — пробормотала она, заправляя за ухо непослушный светлый локон. — Но я бы снимала по-другому. Чтобы люди получались такими, какие они в жизни. Естественными, улыбающимися, жестикулирующими. Фотографии Гофмана красивые, но они не живые.

Заслышав шаги, Ева подняла голову и, мысленно себя ругая за вечное кокетство, приветливо улыбнулась. Гость начальника приподнял шляпу:

— Позвольте откланяться, милая фрейлейн!

— Это наша маленькая Ева, моя помощница, — подобострастно запищал шеф.

Удивление — к чему такое заискивание? — вспыхнуло в сознании Евы, но быстро исчезло, вытесненное сильным желанием рассмотреть, изучить, мысленно сфотографировать лицо незнакомца.

Годы уже проложили в серой бледной коже глубокие морщины. Их подчеркивали и темные волосы, слишком сильно зачесанные набок. Усики — клочок пакли под носом — невольно цепляли взгляд. А потом становилось понятно, что и нос у мужчины слишком крупный, с большими ноздрями, и губы тонкие, неинтересные, а подбородок круглый, будто у дамы.

«Неужели с моим лицом тоже будет так? Его испортит старость, и свежая кожа высохнет, станет сухой, как пергамент. Как это случается, почему? — думала Ева, не в силах оторвать взгляд от незнакомца. — Но как бы это ни происходило, в моем случае это будет ужасно. Потому что у меня нет таких глаз, как у него. Эти глаза делают прекрасным любое лицо! Голубые, завораживающие. Они теплые и холодные, как свежий дождь или молния, все время меняются, как ласково он смотрит, он очень сильный, я не могу на него не глядеть, а это невежливо...»

— Буду рад, если вы окажете мне честь поужинать в «Osteria Bavaria»¹ завтра вечером.

¹ Один из любимых ресторанов Адольфа Гитлера в Мюнхене.

«Это не просьба, не вопрос — приказ, — поразилась Ева и, чтобы скрыть радостное возбуждение, отвернулась к окну. — А впрочем, конечно, схожу. Надо только вернуться не очень поздно, иначе отец заругает».

— Неужели ты его не узнала? — довольным тоном поинтересовался Гофман. — А ты ему понравилась, уж я-то в таких делах понимаю.

Ева пожала полными плечиками.

— Нет, не узнала.

— Это же Адольф Гитлер! Наш вождь, лидер национал-социалистов!

Спрашивать, кто такие национал-социалисты, у начальника было неудобно. А вдруг это что-то очень важное или знаменитое? Тогда Гофман непременно решит, что его помощница — дурочка!

К вечеру странное слово из памяти Евы испарилось совершенно. Она запомнила только имя гостя с потрясающими глазами.

— Адольф Гитлер? — Отец аж закашлялся от возмущения. — Да он австрийский голодранец, вот он кто! Терпеть не могу нацистов — шайка проходимцев, прикрывающихся гнуснейшими лозунгами! Не вздумай ходить на их митинги! Ты слышишь?

Папа говорил что-то еще. Но когда Ева поняла, что речь идет о таком скучном деле, как политика, то слушать отца перестала. А задумалась над тем, какой костюм выбрать для завтрашнего ужина. Серый жакет и серую зауженную юбку до щиколоток? Элегантно, но не очень-то кокетливо. Или лучше нарядиться в тонкую шелковую белую блузку и темную расклешенную юбку, доходящую до середины голени? Хотя не слишком ли юной она будет выглядеть в такой одежде? В любом случае эти вопросы уж поважнее какой-то там политики!

* * *

Страшной тайной писательницы и журналистки Лики Вронской была Светлана. Сорокалетняя, улыбчивая, стройная и подвижная — называть ее женщиной не поворачивался язык. Только «девушка», и никак иначе.

Она привела Ликину квартиру в идеальный порядок. Непостижимым образом сумела убедить полугодовалую Даринку не плакать в режиме нон-стоп, подружилась с собакой, голден-ретривером Снапом.

Фанатизм помощницы по хозяйству казался абсолютным. Светлана боролась с грязью даже на внутренней стороне пробок, закрывающих раковины. Обожала девочку, как свою родную дочь. Она готовила, гладила одежду, была надежнее швейцарского банка. И при таком активном вкалывании тем не менее буквально светилась от счастья. Ей действительно нравилось все: менять памперсы, тестировать новые моющие средства, придумывать рецепты блюд. Все, связанное с домом и бытом — не важно, что чужим, — доставляло Светлане искреннее удовольствие. Но... При всех достоинствах няни Лика Вронская никак не могла простить себя за то, что доверяет дочь хоть и умелым, но неродным рукам. Ей было очень стыдно перед самой собой. И перед окружающими. О том, что Даринка остается с няней, пока горе-мамаша строчит статью, пишет книгу или просто шатается по Москве, знали только мамочки из ближайших домов. Так как они просто не могли не заметить, что с Дариной уже гуляет не вечно рассеянная соседка. Рассказать же об этом своим родителям и подругам Вронская не могла. Издевалась над собой: «Няня, помощница по хозяйству, — страшная, ну очень страшная тайна! Увы, сюжет книги вокруг

этого не закрутишь». Посмеивалась, ругала себя — но молчала, как партизан.

Звонок в дверь, как обычно, вызвал у Лики противоречивые чувства. Как хорошо, что пришла Светлана и можно будет хоть немного отдохнуть или поработать. И как стыдно, что родную дочь растит чужой человек.

— Привет, Лик. Как Дариночка? — Света быстро сняла куртку, ботинки и бросилась к кроватке. У подошедшей следом Вронской заныло сердце: дочь улыбалась няне *слишком* радостно... — Доброе утро, солнышко! Как она спала?

— Хорошо. — Лика нагнулась, проверила памперс. Еще не толстый, запаха нет — значит, можно пока не менять. — После того как я стала ее брать по ночам в постель, она почти не плачет. Захочет есть, находит грудь. Я сначала боялась ее раздавить. Но, наверное, материнский инстинкт даже во сне срабатывает. — К ее щекам прихлынул стыд. Кто б говорил о материнском инстинкте! Уж никак не она, «кукушка», скинувшая дитяtko на няню! — В общем, все у нас в порядке. Я сегодня всего один раз просыпалась, когда она обкакалась.

— Вот и славно, — Света тепло улыбнулась, — значит, зубки у вас без проблем будут резаться.

— Зубки?!

Няня, откинув с плеча длинную черную косу, склонилась над кроваткой:

— А вы разве ничего не почувствовали, когда кормили?

— Нет. Я вообще сейчас ничего не чувствую. Это после родов казалось, что она мне сосок разгрызает. А потом чувствительность снизилась. Ой, ма-а-а-мочки...

Вот.

Вот оно, наказание.

И кара, и все кошмары, вместе взятые, ужас, конец света...

Света оттянула Дарине нижнюю губку. Из розовой десны девочки действительно торчит кончик зуба. Но какой... Зубик же совершенно прозрачный, как стеклянный...

«Так, к врачу, срочно, наверное, нам пропишут кальций, только бы ничего серьезного, — думала Лика, прижав к щекам ладони. — Почему, она же такая маленькая, блин, нет!»

Няня осторожно коснулась ее руки.

— Лика, вы не переживайте. Так у некоторых деток бывает. Зубик потом побелеет.

— Правда?! Побелеет! Ой, как хорошо, прямо от сердца отлегло. Значит, к врачу не надо?!

Света покачала головой, взяла любимого Даринкиного мишку.

— Я здесь! Давай играть!

Девочка покосилась на няню.

Причмокивает маленький ротик. Светлое нежное личико морщится и краснеет. Через пару секунд, сделав вдох побольше, Дарина Владиславовна решает, что она сирена, и оглашает квартиру звонким ревом.

— Ты мой вечно голодный ребенок, — пробормотала Вронская, доставая дочь из кровати. — На аппетит, слава богу, не жалуемся. Никогда бы не подумала, что эти крохи столько едят, так часто, и так долго! Впрочем, «беременные» страхи имеют очень мало общего с той реальностью, в которую погружается женщина после рождения ребенка.

...До родов ей казалось: очень плохо, что девочка будет расти без папы. Конечно, со временем Дарина узнает все о своем отце, услышит его музыку, познакомится

с родственниками¹. Но это произойдет, когда она уже станет достаточно большой, чтобы понимать, что такое смерть, трагическое стечение обстоятельств; что жизнь без отца — все равно жизнь, и она прекрасна. А до того, как девочка сможет осознать все эти вещи, она будет страдать и чувствовать себя обделенной. У всех детей ведь есть папы, а у нее нет!

Именно по этой причине — дать ребенку отца — Лика всерьез думала, не выйти ли ей замуж за бизнесмена Андрея Захарова². Симпатичного, успешного, совершенно нелюбимого, но разве это важно, когда в животе уже вовсю шевелится ребенок и все мысли лишь о его здоровье и счастье? Да и материальные соображения вдруг вышли на первый план. Это раньше можно было не особенно переживать по поводу отсутствия денег. А теперь, когда есть малышка, приходится учиться ответственности и математике.

Наверное, если бы на месте Андрея был кто-нибудь менее харизматичный и любвеобильный, Лика, решив, «стерпится — слюбится», перед роддомом обязательно посетила бы загс. Но Захаров, при всей своей притягательной энергетике, не внушал доверия. Его можно было бы полюбить, но удержать... Представив, как ребенок выслушивает вечные разборки, Лика мягко отказала Андрею. Он не расстроился или так отлично сделал вид, что не расстроился, что Вронская поняла: она приняла правильное решение.

Чего еще бояться беременные женщины? Что со здоровьем ребенка будут проблемы. Что сами они распух-

¹ Об истории знакомства Лики с Владом Резниковым см. роман О. Тарасевич «Роковой роман Достоевского».

² См. роман О. Тарасевич «Копия любви Фаберже».

нут до объемов слонихи. Сойдут с ума от боли во время родов. Что попадутся плохие врачи. Что...

Страхов множество, но уровень развития медицины позволяет сегодня многое. Следить за состоянием ребенка, обезболить схватки, в случае малейших проблем со здоровьем матери и малыша быстро оказывать помощь.

Острые болевые ощущения при нормальном течении родов длятся, как правило, не так уж и долго. Лишний вес обычно уходит за два-три месяца. Талия и грудь, наверное, мало у кого могут вернуться к дородовым форме и объему — но так ли важны эти несколько килограммов и сантиметров?

И даже Ликины опасения насчет нехватки денег были напрасными. Меньше расходов на свою одежду, на рестораны и кофейни. И дебет с кредитом сводятся просто замечательно. К тому же писателям и журналистам в этом плане проще, они могут работать дома, по свободному графику. Конечно, эти доходы несопоставимы с додекретными — но жить на них с ребенком можно совершенно спокойно и даже не отказывать себе в удовольствии баловать доченьку.

О реальных проблемах после рождения ребенка женщины думают меньше. Возможно, поэтому они оказываются не готовы, когда эта волна накрывает с головой и кажется, что уже не выплыть.

Дарину Лике в палату принесли вскоре после родов.

Вронская с любопытством смотрела на светленькое крошечное личико с кнопкой-носиком и влажными ресничками и... не чувствовала ничего, кроме любопытства. И еще, может, облегчения: девочка родилась красивой в отличие от краснолицего лысого крикуна соседки по палате.

Из груди уже выделяются капельки молозива, болит низ живота, от слабости кружится голова. И малышка вот рядом лежит, самое красноречивое подтверждение начала нового этапа в жизни.

В общем, полный комплект, все есть. Кроме материнских чувств. Где любовь, умиление, нежность, где они?!

Или любовь — синоним беспокойства? Вечной тревоги, никогда не проходящего волнения?

Почему она кричит? Поела, и все равно кричит? Что это за пятнышки на маленьких щечках? Опять она срыгивает. Снова нет какашек, или слишком частые какашки, или они не того цвета. И только бы молоко не пропало. И чтобы никаких инфекций. И... и так постоянно, изо дня в день.

Даринка любит покушать, грудь приходится давать часто. Ест долго. Плачет громко. Вроде бы и не делаешь ничего особенного, но к концу дня от усталости валишься с ног. А малыши почему-то не считают, что по ночам надо спать.

Через месяц после того как ее с дочкой выписали из роддома, Лика завела манеру рыдать с восемнадцати до девятнадцати тридцати. Строго по расписанию. Даринка, покушав, вечером могла спать по два-три часа. Лика мыла пол (а что делать, собака в доме — потому каждый день влажная уборка), закидывала одежду в стиральную машинку, заваривала себе чай. И начинала реветь, как белуга.

«Блин, Дарина такая беспокойная. Я не могу выйти из комнаты, ей постоянно необходимо мое присутствие. Мне стыдно напрягать маму — она устает еще быстрее, чем я. Я деградирую. Я — плохая мать. Я сама как ребенок — мне надо перетерпеть, но я такая уставшая и невыспавшаяся, что ничего не соображаю. Какие там страдания насчет безотцовщины! Когда еще она начнет все

понимать, задавать вопросы. Я настолько обессилела, что, мне кажется, я просто не доживу до того момента, когда Дарина заговорит...»

Потом грустные мысли заканчивались, слезы высыхали. Остатки логики давали о себе знать: подумай, во времена отсутствия памперсов мамочкам приходилось еще хуже. И продолжала вертеться все та же карусель: покормить, переодеть, погулять, поиграть, укачать, снова покормить.

«Больше ничего уже не будет, как раньше, — когда хватало энергии на мысли, думала Вронская. — Я очень рада, что есть Даринка. И вместе с тем мне так больно, что я больше не смогу просто сесть в машину и поехать куда глаза глядят или говорить, забыв обо времени, с интересным собеседником. Да, до рождения ребенка я не имела привычки шастать ночами напролет со случайными знакомыми. Но теперь, когда я уже никогда не смогу ничего такого себе позволить, мне в этом видится огромная ценность».

Одна из истерик оказалась уж очень долгой и выматывающей. Вронская кормила ребенка и ревела, укачивала девочку, и слезы продолжали литься, мыла попку и стонала. А потом с Даринкой на руках включила компьютер. И, чувствуя себя кукушкой, дрянью и всей мерзостью мира, набрала в поисковике: «Ищу няню-домработницу на полный день в Москве».

Так появилась Света. Жить сразу стало легче и противнее...

...Когда доченька уснула, Лика положила ее в кроватку, отодвинула дверцу шкафа и с глубокомысленным видом уставилась на немногочисленные костюмы.

Черный? Или синий в белую полоску? А может, джинсовый бордовый? Такое чувство, что все это она

надевала уже миллион раз. И весь этот миллион — именно вчера.

«А что делать? — подумала Вронская, вытаскивая вешалку с бордовым костюмом. — Мои многочисленные обтягивающие джинсы и свитера на меня уже налезают, но видок еще тот — в бедрах поправилась, грудь огромная. Вот и пригодились костюмчики для деловых мероприятий, которые я до родов не любила ни покупать, ни носить. Пиджаки удачно скрывают, что я теперь особенно хороший человек».

Переодевшись, она расчесала короткие светлые волосы, мазнула по ресницам зеленой, в тон глаз, тушью. Накрасила губы прозрачным блеском, пахнущим черникой. И быстро-быстро, пока совесть не запустила шарманку упреков, выбежала из квартиры. В май, солнце, шум. В жизнь...

Лица завела двигатель своего голубого «фордика», взяла сотовый телефон, набрала номер следователя Владимира Седова.

Она собиралась встретиться с ним еще до родов по очень важному вопросу.

Наконец-то в России долгие разговоры о создании Следственного комитета перешли в стадию практической реализации. Комитет, после многочисленных дискуссий, был сформирован и начал работать. В связи с этим изменились функции прокуратуры, появились новые нюансы в работе следователей. Очень многое стало по-другому, начиная от названия должностей и заканчивая процессуальными особенностями.

Обложившись новым Уголовно-процессуальным кодексом, нормативной базой по Следственному комитету и распечатками интервью руководителей «свежеиспеченной» структуры, Вронская пыталась понять, как

же ей теперь в романе представлять героя, списанного с того же Седова. Выходило, что «следователь прокуратуры» уже неправильно, надо «следователь СО такого-то района СУ СК при прокуратуре РФ по Москве». Очень милая должность, и как легко ее запомнить! Всего ничего! СО — следственный отдел, СУ СК — следственное управление следственного комитета.

И чем дальше в лес — тем больше дров... Запутавшись в том, кому теперь подчиняются следователи, Лика решила подъехать к Седову, чтобы тот все объяснил человеческим языком. Они даже договорились о встрече, но Даринка норовила выбраться из живота раньше срока, и Вронской пришлось ложиться в больницу на сохранение. До появления няни о встрече с приятелем было нечего и думать. Зато теперь Володя уже никак не отвертится!

Следователь трубку снял быстро, но к идее встречи отнесся скептически.

— Да почитай ты УПК, там все написано.

— Читала, ни фиги не поняла.

— Знаешь, а ничего, в сущности, не изменилось, — продолжал ворчать Володя. — Как работали, так и работаем.

Конечно же, она его все-таки уболтала и добавила. И, трогаясь с места, радостно улыбнулась.

«Избежать всех неточностей у меня не получится, — отрегулировав зеркало заднего вида, подумала Лика. — Я сознательно допускаю какие-то ошибки, потому что, если все процедурные моменты правильно описывать, — это долго, и читатель уснет. Но и явной лажи быть не должно. Не понимаю я, почему люди и пишут, и издают книги, в которых утверждается, что убийства расследуют милиционеры. Попался на днях такой роман-